

М. Ц. АРЗАКАНЯН

Великий де Голль. «Франция — это я!»

<Фрагменты>

<...>

22 июня во Франции было подписано франко-германское перемирие. Через несколько дней в Риме состоялось подписание франко-итальянского перемирия. По их условиям французские армия и флот разоружались и демобилизовывались. Франция должна была выплачивать огромные контрибуционные платежи. Две трети страны, включая Париж, оккупировались Германией, а ее южная часть, так называемая свободная зона, и колонии не подвергались оккупации и контролировались правительством Петэна.

Де Голль сразу отреагировал на это событие. Выступая по лондонскому радио 24 июня, он заклеил позором тех, кто подписал перемирие.

<...>

26 июня, после выступления Петэна, в котором он оправдывал капитуляцию, де Голль ответил ему новой речью... Генерал прямо обвинил Петэна в том, что он отдал отчизну врагу.

Через два дня, 28 июня, английское правительство объявило, что признает де Голля как главу «свободных французов». Вскоре он получил в Лондоне в свое распоряжение небольшое помещение на Карлтон-Гарденс-4 рядом с Трафальгарской площадью.

3 июля 1940 года англичане неожиданно атаковали французскую эскадру, стоявшую на рейде в гавани Мерс-эль-Кебир у берегов Алжира. Большинство кораблей было потоплено. Британское правительство пошло на этот шаг из-за боязни, что французский флот сможет захватить Германия. После этого Петэн разорвал дипломатические отношения с Великобританией. Де Голль узнал о столь печальном событии постфактум. Он был

глубоко опечален и повторял: «Какой страшный конец, какой позор, какая жалость!» Но пришлось смириться.

Уже в июне генерал занялся поиском сторонников. Он надеялся на присоединение к нему французских колоний и разослал их губернаторам и военачальникам телеграммы с предложением продолжать войну. Де Голль особенно рассчитывал на французскую Северную Африку. Однако пока колониальные власти предпочли подчиниться законному правительству, которое с 1 июля обосновалось в небольшом французском курортном городке Виши.

На территории Великобритании в июне находилось почти 50 тысяч французских солдат и офицеров. Это были части, которые эвакуировались вместе с англичанами из Дюнкерка, а также раненные в боях на территории Бельгии и переправленные в Великобританию. Французские военные миссии, находившиеся в Англии, взяли на себя функции по удержанию этих сил в подчинении Виши и готовили их общую репатриацию. Де Голль лично объехал в Великобритании все места, где находились французские военные, и провел агитацию. Результат оказался ничтожным. К нему присоединилось тысяча двести человек. И все же генерал был уже не один.

В июне и июле к де Голлю добровольно примкнули некоторые французские офицеры — генералы Поль Лежантийом, Мари-Пьер Кёниг и Эрнест Пти, вице-адмирал Эмиль Мюзелье, полковник Эдгар де Лармина, командир батальона Жорж Тьерри д'Аржанлье, капитаны Клод Эттье де Буаламбер, Филипп Мари де Отклок (позднее известный как генерал Леклерк), Андре Деваврен (военный псевдоним Пасси).

К генералу присоединились и гражданские лица — предприниматель Рене Плевен, банкир Пьер Дени, дипломат Морис Дежан, профессор права Рене Кассен, журналист Морис Шуман, инспектор финансов Андре Дьетельм, Элизабет де Мирибель, бывший сотрудник кабинета Поля Рейно Гастон Палевски, которого де Голль знал с 1935 года. Морис Шуман стал постоянным диктором «свободных французов» на Би-би-си, Элизабет де Мирибель — секретарем генерала.

14 июля 1940 года, в день национального праздника состоялся первый смотр военных сил «свободных французов» в английской столице. Генерал де Голль торжественно возложил венок к памятнику главнокомандующего войсками Антанты на победном этапе Первой мировой войны маршала Фоша. Девизом возглав-

ляемых де Голлем «свободных французов» стали слова «Честь и Родина», а эмблемой, по предложению уроженца Лотарингии адмирала Мюзелье, Лотарингский крест. Его изображение — маленькая и ниже большая прямые линии, пересекающие вертикаль, на протяжении нескольких последующих десятилетий будет символом голлизма и голлистского движения. Пока же они только зарождались. Как верно отметил Морис Шуман, «голлизм начался как отказ от перемирия».

Постепенно весть об основании генералом де Голлем организации «свободных французов» облетела весь континент. Мало-помалу к нему в Лондон начали съезжаться французы, которых война застала на разных материках. Ехали из Африки, Америки и даже Австралии, группами и в одиночку, часто со всякого рода происшествиями. Некоторым казалось, что они, подобно легендарному Одиссею, совершили длинное путешествие-приключение, прежде чем добраться до Лондона. К таким людям можно отнести известного этнографа, специалиста по коренным народам Южной Америки Жака Сустеля, в будущем одного из самых активных сторонников, а затем противника де Голля.

Война застала ученого в Мексике. Узнав о призыве генерала, он тут же решил ехать в Лондон. Из Мексики Сустель отправился в США, оттуда — в Канаду. Там он добрался до одного из небольших портовых городов на Атлантическом побережье, где ему удалось сесть на судно, отплывавшее в Англию. На нем Сустель прибыл в Ливерпуль, а затем поездом в Лондон. «Сколько я буду жить на свете, — писал он в своих воспоминаниях о войне «Вопреки всему», — столько я буду помнить мой приезд в Лондон под покровом ночи: зловещая тень катастрофы, нависшей над Францией, сумерки канадского порта, из которого я уплывал в Великобританию, «блэк-аут» английских городов и гул вражеских самолетов». Сустель, так же как и все другие французы, пожелавшие присоединиться к де Голлю, по приезде в английскую столицу явился на Карлтон-Гарденс-4. В глаза ему бросились две вещи: Лотарингский крест на сине-бело-красном фоне, прикрепленный у входной двери, и французская каска невысокого часового на посту. «Да если бы он был и без каски, — вспоминал Сустель, — сразу можно было понять, что это не англичанин, потому что по его лицу и виду было ясно, что он из наших. Увидеть этого солдата и эту эмблему для нас означало вновь обрести родину».

Добирались до Лондона и французы с территории Франции, особенно из свободной зоны. Так, например, разведывательные службы Виши получили сообщение, что в городке Перигё в Дордони «существует агентство по вербовке дезертиров к экс-генералу де Голлю. Они уже переправили в Англию две группы».

В конце июля — самом начале августа о своем присоединении к де Голлю объявили власти двух французских островных колоний на Тихом океане — Новые Гебриды и Таити.

Немцы тем временем прочно обосновались в Париже. А полномочным хозяином в южной зоне стал маршал Петэн. 11 июля, согласно так называемым конституционным актам, он стал главой государства, наделенным законодательной и исполнительной властью. Своим заместителем Петэн назначил Пьера Лавалья.

Маршал отнюдь не забыл о своем старом знакомом. Он пристально следил за действиями де Голля и «оценил» их в полной мере. Еще 18 и 19 июня ему был послан приказ немедленно вернуться во Францию. 22 июня де Голлю уже аннулировали генеральское звание, 23-го — вывели в отставку за нарушение военной дисциплины, а 30-го подписали ордер на его арест. 4 июля военный трибунал приговорил де Голля к четырем годам лишения свободы за неподчинение. Наконец, 4 августа также военным трибуналом полковник в отставке де Голль был заочно приговорен к военному разжалованию, конфискации всего движимого и недвижимого имущества и смертной казни за измену, нанесение ущерба внешней безопасности государства и дезертирство за границу во время войны.

Де Голль спокойно отнесся ко всем этим приговорам. Он опасался лишь за судьбу своих братьев и сестры, остававшихся на территории Франции. Новый французский режим для него самого не был легитимным. Генерал называл его исключительно «люди Виши». Францией же он считал теперь себя. Да, де Голль был честолюбив. Но и свою отчизну он любил как никто другой. Какие два месяца были у него за спиной! Казалось, генерал совершил невозможное. Он смог взломать собственную судьбу и судьбу родины и действительно поднял брошенное и растоптанное знамя Франции.

7 августа 1940 года де Голль и Черчилль подписали соглашение относительно организации, формирования и использования французских добровольческих сил в Англии. Де Голль обязался сформировать эти силы и осуществлять верховное командование ими в соответствии с британскими директивами. Английское

правительство рассматривало французов как добровольцев у себя на службе. Оно обеспечивало де Голлю регулярную финансовую поддержку и разрешило ему иметь не только военный, но и гражданский орган. Соглашение конституировало существование уже созданной генералом организации. Она получила название Свободная Франция. <...>

Свободная Франция

<...> В конце лета — начале осени 1940 года французы продолжали присоединяться к основанной де Голлем в Лондоне организации. Он с удовлетворением отмечал, что Свободная Франция пополняет свои ряды. Особенно радовало генерала, что на призыв 18 июня отозвались некоторые люди, которых он знал с молодости.

Еще в июле де Голлю из Нью-Йорка дал о себе знать его соученик по Сен-Сиру, сделавший дипломатическую карьеру, Жак де Сиейес. «Мой дорогой друг, — писал ему в ответ генерал, — я был глубоко тронут, получив твою телеграмму. Она стала для меня такой поддержкой в трагические дни, которые переживает наша страна. Ты понимаешь, какие большие надежды я возлагаю на тебя прямо сейчас. Именно поэтому я прошу тебя быть моим официальным представителем в Америке».

<...>

В том же месяце (августе. — *Сост.*) на сторону де Голля перешел его товарищ по плену генерал армии Жорж Катру, бывший губернатор Индокитая. Он был старше главы Свободной Франции по званию, но принял решение служить под его началом. «Де Голль, — писал Катру в своих воспоминаниях, — стал моим руководителем, потому что он воплощал Францию, а я ей служил. Иерархия? 18 июня де Голль превзошел все степени и звания, когда одним махом поднял обломки меча Франции. Этим он достиг такого ранга, который уже никто не мог оспорить».

В августе к Свободной Франции примкнули колонии Французской Экваториальной Африки — Чад, Конго, Камерун, Убанги-Шари. В сентябре к де Голлю присоединились Полинезия, Новая Каледония, французские территории в Индии. Это был, несомненно, большой успех. Однако в сентябре генерала постигла и неудача.

В начале осени Черчилль предложил де Голлю отвоевать у Виши Сенегал со столицей в Дакаре, важнейшем порте на Ат-

лантическом океане. Генералу не очень понравилась такая идея, но он согласился и даже разработал подробный план операции.

Ни англичане, ни французы не хотели давать бой. Они надеялись, что генерал-губернатор Сенегала Пьер Буассон добровольно перейдет на сторону де Голля. 23 сентября небольшая эскадра из нескольких десятков кораблей пристала к берегам Дакара. Глава Свободной Франции находился на флагмане. Генерал-губернатор, узнав о прибытии эскадры, категорически отказался вступить со «свободными французами» в переговоры и остался верен правительству Виши. Де Голлю пришлось ни с чем вернуться в Лондон.

Генерал был явно не готов к такому поражению. В один момент он даже «подумал, не бросить ли все», но быстро «воспрянул духом». 28 сентября де Голль писал жене: «Как ты поняла, дело с Дакаром не обернулось успехом. В Виши этого ожидали и предприняли меры по обороне. Туда прислали суда и подкрепление. Всех моих сторонников бросили за решетку. А я не хотел битвы между французами и отвел наши силы. Но мои люди остались мне верны, и я сохраняю надежды на будущее». В конце письма генерал сделал маленькое заключение о войне в целом: «Это самая большая драма Истории. И твой бедный муж безжалостно выброшен событиями на первый план в борьбе с теми, кто играет первые роли на сцене. Будем держаться! Ни один ураган не длится вечно».

После присоединения африканских колоний Свободная Франция получила собственную территориальную базу. На ней, так же как и в Великобритании, были сформированы первые военные соединения «свободных французов». Генерал всегда помнил слова Вовенарга — «Полная победа лишь та, которая одержана с оружием в руках». Он хотел, чтобы его войска непременно принимали участие в операциях, сначала вместе с англичанами, а затем и с другими союзниками. В ноябре «свободные французы» завоевали французский Габон. После этого под эгидой де Голля оказалась вся французская Экваториальная Африка.

С 8 октября по 17 ноября 1940 года де Голль совершает путешествие по присоединившимся африканским территориям. Именно там, пусть не на французской, а на некогда завоеванной французами земле, над которой сейчас развевается национальное сине-бело-красное знамя, генерал решает сделать несколько важных заявлений и обозначить структуру Свободной Фран-

ции. 27 октября де Голль выпускает Манифест относительно руководства усилиями французов во время войны. В нем он осуждает деятельность кабинета Петэна, говорит о незаконности его существования и называет коллаборационистов «случайными людьми», подчинившимися врагу. Де Голль заявляет, что от имени Франции будет осуществляться власть с единственной целью — защиты ее от врага.

Одновременно с Манифестом был опубликован ордонанс, который утверждал создание Совета обороны империи, «имеющий задачей поддерживать верность Франции, заботиться о внутренней и внешней безопасности, руководить экономической жизнью и поддерживать моральное единство населения территории и империи». В ордонансе также говорилось, что «Совет осуществляет всестороннее общее руководство военными действиями в целях освобождения родины».

В конце 1940 года было создано Управление политическими делами Свободной Франции. И его работой руководил сам де Голль. Он же определил задачи Управления: «Создать и использовать информационные службы, занимающиеся сбором материала о политической ситуации во Франции и в империи. Организовать и поддерживать во Франции и в империи движение Свободная Франция и постараться распространить его деятельность на старые и новые политические, социальные, религиозные, экономические, профессиональные и интеллектуальные организации и убедить их в необходимости в данный момент подчинить все личные интересы одному — национальному».

Управление состояло из генерального штаба и информационной службы. Им подчинялись три бюро. Первое определяло конкретные задачи деятельности. Второе должно было их осуществлять на территории Франции и империи. Впоследствии оно переросло в известное Центральное бюро осведомления и действия (БСРА). Третье занималось налаживанием контактов с зарубежными странами.

В декабре 1940 года созданный де Голлем Совет обороны империи был признан правительством Великобритании.

С самого начала существования Свободной Франции проявились амбиции и авторитарность характера ее основателя. Генерал считал, что все члены организации должны строго подчиняться его власти... Ордонансы и законодательные акты Свободной Франции де Голль писал только сам и начинал их словами: «Мы, ге-

нерал де Голль, глава «свободных французов», постановляем...», или даже «От имени французского народа и империи мы, генерал де Голль...» Подписывая так называемый «Акт присоединения» к Свободной Франции, каждый человек должен был поставить и свою подпись под обязательством подчиниться де Голлю.

<...>

Создавалось впечатление, что де Голль следовал своим собственным установкам, высказанным еще в книге «На острие шпаги». Тогда он обрисовал образ вождя, которым стремился стать. А теперь стало ясно, что своим сильным характером и железной волей генерал просто заставлял мечту сбыться. Война полностью изменила его жизнь. Он уже был не только вождем, непререкаемым лидером «свободных французов», но и политиком.

<...>

Глава Свободной Франции жил в Лондоне. У него был свой номер в гостинице «Коннот». Для Ивонны и младшей дочери Анны он снимал за городом небольшой дом. Филипп сначала учился в Морской школе Свободной Франции в Портсмуте, а затем принимал участие в военных операциях. Элизабет продолжала учебу в одном из католических монастырей Англии. Де Голль навещал своих, как только предоставлялась такая возможность. Правда, ему нечасто удавалось выбраться на выходные и даже на целый день. Еще реже он мог повидать всю семью. Но 22 ноября 1940 года в доме собрались все, чтобы отметить пятидесятилетие генерала.

В британской столице де Голль старался ежедневно находить время, чтобы читать и писать. Он серьезно работал над своими речами для лондонского радио, вел обширную переписку. Генерал учил английский язык. Поначалу к нему на Карлтон-Гарденс-4 приходил преподаватель. На письменном столе де Голля лежали томики Паскаля, Монтеня, Бергсона, Гегеля на немецком языке. А теперь он немного читал и по-английски.

<...>

В первые месяцы 1941 года «свободные французы» приняли вместе с англичанами участие в военных операциях в Африке. Они выступили против немецкой и итальянской армий в Эритрее и Ливии. В марте соединения Леклерка одержали победу в итальянской Сахаре.

Большое значение де Голль придавал развитию отношений возглавляемой им организации с иностранными государствами. В 1941 году он направил своих представителей во многие регионы

мира с тем, чтобы они добивались признания Свободной Франции со стороны зарубежных правительств. В США в помощь Жаку де Сиейесу был отправлен Рене Плевен, в Канаду — Элизабет де Мирибель, в Латинскую Америку — Жак Сустель. В Южную Африку отплыл подполковник Пешков, на Ближний Восток — археолог Жюль Акен. Ученому, к сожалению, не удалось добраться до азиатского побережья, он погиб в пути, так как его судно было торпедировано.

«Свободные французы» продолжали вести ежедневное радиовещание на Францию из Лондона. Помимо того, время от времени на ее территорию они забрасывали листовки, в которых характеризовался де Голль и объяснялись задачи Свободной Франции. Одна из них гласила:

«Я свободный француз. Я верю в Бога и в будущее моей родины. Я принадлежу сам себе. У меня есть одна цель — продолжать борьбу за освобождение моей страны.

Я понимаю и твердо верю, что эта война — испытание для народов всего мира. Будущее каждой нации будет зависеть от роли, которую она сыграет в этой войне.

Я торжественно заявляю, что не связан ни с какой политической партией и ни с каким политиком.

У меня лишь одна цель — освободить Францию.

Генерал де Голль»*.

Союзники

В марте 1941 года де Голль решает покинуть Лондон, чтобы посетить присоединившиеся к Свободной Франции обширные африканские территории. Он хочет провести инспекцию всех подчиненных ему войск. Перед отъездом генерал составляет докладную записку, в которой подчеркивает: «Любые действия на британской территории могут осуществляться только согласно личным приказам генерала де Голля».

<...>

С середины марта до конца мая де Голль находится в постоянных разъездах по Африке. Из Каира он едет через столицу Судана Хартум в Чад, Конго, Камерун, Убанги-Шари и Габон, затем возвращается в Египет.

* РГВА. Ф. 7-К. Оп. 5. Д. 208.

Положением дел в Африке генерал остался доволен, а вот ситуация на Ближнем Востоке его настораживала. В начале 1941 года британский военный атташе в Берне сказал о де Голле: «Он — прекрасный военный, но посредственный политик. Если британская армия появится на французских территориях, нет никакого сомнения в том, что де Голля не призовут играть там какую-нибудь политическую или административную роль». Самые ближайшие события показали, что атташе предугадал намерения своего правительства, но совершенно просчитался в оценке французского генерала.

Весной 1941 года Германия значительно расширила свое присутствие в Средиземноморье. К концу апреля она завоевала всю Югославию и Грецию и стремилась проникнуть на Ближний Восток. Чтобы упредить действия немцев, 8 июня британские войска совместно с подразделениями «свободных французов», возглавляемых генералом Катру, начали наступление на подмандатные Франции Сирию и Ливан. Там стояла французская армия, которой командовал генерал Денц, хранивший верность Виши. Операция прошла удачно. Англичане и «свободные французы» овладели Сирией и Ливаном. Де Голль прибыл в Бейрут из Каира и назначил Катру генеральным делегатом подмандатных территорий.

Глава Свободной Франции намеревался утвердить в Сирии и Ливане свою власть. Но он быстро понял, что англичане сами хотят стать здесь хозяевами. Борьба за эти территории велась между Францией и Англией еще после Первой мировой войны. Именно тогда, согласно Версальскому договору, Франция получила мандат на Сирию и Ливан, а Великобритания — на соседнюю Палестину. Теперь, пользуясь тем, что «официальная» Франция сдалась на милость победителя, а де Голль был лишь «добровольцем», Лондон стремился утвердить свое влияние в столь стратегически важном регионе.

На некоторое время глава Свободной Франции отвлекается от ближневосточных дел из-за событий в Европе. 22 июня немецкая армия предприняла массированное наступление на СССР.

<...>

Между тем на Ближнем Востоке в июле начинается настоящая схватка главы Свободной Франции за Сирию и Ливан с англичанами. Он находится в бесконечных переездах между Каиром, где обосновался государственный министр Великобритании Оливер

Литлтон, облеченный полномочиями Черчилля, Иерусалимом, Бейрутом и Дамаском. Лишь на празднование 14 июля де Голль уезжает в столицу Конго Браззавиль. В этом городе была установлена радиостанция Свободной Франции, и он стал ее главным центром в Африке.

Перед отъездом де Голль писал из Каира Катру в Бейрут: «Я обязательно увижусь с Литлтоном и заявлю ему, что его присутствие здесь не должно означать контроля над нашим авторитетом в Ливане... Мы должны быть непоколебимы». И тем не менее 13 июля в городе Акко на границе Ливана и Палестины англичане подписали перемирие с вишистами. Представителя Свободной Франции генерала Катру туда не пригласили.

Де Голль был крайне удручен. Такой поворот событий означал не только полное игнорирование прав Свободной Франции на Сирию и Ливан, но и лишение ее хорошего подкрепления в виде значительного французского воинского контингента, стоявшего на службе Виши. Англичане объявили офицерам и солдатам, подчинявшимся генералу Денцу, что они сами должны решить, присоединиться ли им к Свободной Франции, или вернуться на родину.

Вишистская пропаганда позаботилась о том, чтобы создать де Голлю самую плохую репутацию. В одной из листовок, распространенной в Бейруте, говорилось: «Я не голлист. Почему? Потому что голлизм означает раскол, мятеж и восстание против легитимной власти». А некий вишистский полковник Гарнье даже писал: «Де Голль — преступник... Он пытается взбудоражить Ливан... С ним мы потеряем все наши колонии. Он призывает к неповиновению и гражданской войне. Он наносит колоссальный вред делу Маршала по возрождению Франции. Такие люди, как он, сожгли за собой национальные мосты. Ими движет только надменность и личные амбиции. Маршал сказал губернатору Буассону, что когда-то он пригрел змею, имея в виду де Голля». Неудивительно, что после таких суждений о генерале, распространенных в Сирии и Ливане, к Свободной Франции примкнуло только пять с половиной тысяч из тридцати тысяч французских военных, находившихся на этих территориях.

Вернувшийся из Браззавиля де Голль упорно пытается добиться от англичан признания в регионе власти Свободной Франции. Отчасти ему это удается. В конце июля генерал буквально заставляет Литлтона подписать с ним в Каире «Пояснительное соглаше-

ние» к договору в Акко, согласно которому англичане признали права Свободной Франции на Сирию и Ливан. Но после этого ситуация не стала менее напряженной. Де Голль сообщал Катру из Каира 5 августа: «У меня создается впечатление, что англичане готовятся оказать на нас решающее давление и шантажировать, чтобы на деле мы уступили им осуществление власти в Ливане».

Через два дня де Голль повидался с Литлтоном, который его убеждал в своем дружеском отношении, а потом еще послал ему письменное подтверждение. «Делая выводы из нашего сегодняшнего разговора, — заверял он генерала, — я еще раз утверждаю, что присутствие Великобритании в Сирии и Ливане диктуется только намерением выиграть войну». В ответном письме де Голль поблагодарил уполномоченного Черчилля за такие слова и подчеркнул: «Свободная Франция, то есть Франция, полна решимости продолжать войну на стороне Великобритании, своего друга и союзника, до полной победы над общим врагом».

Реальное положение дел оставалось прежним. Де Голль добился присутствия Свободной Франции в Сирии и Ливане, но испортил отношения с англичанами. На Ближний Восток из Англии был отправлен генерал Спирс, который резко отрицательно оценил действия де Голля. Телеграммы с жалобами на его высокомерное поведение и англофобию постоянно отправлялись Черчиллю в Лондон.

1 сентября в английскую столицу после почти полугодового отсутствия возвратился и сам глава Свободной Франции. Он понимал, что его ждало нелегкое объяснение с английским премьер-министром. Так и получилось. Сначала строптивому французскому генералу решили указать на его место «иностранца на службе англичан» и дали неделю «повариться в собственном соку», не допуская до вещания на Би-би-си. Черчилль принял де Голля только 12 сентября. Разговор шел на равных, но собеседники довольно эмоционально выяснили отношения. В дальнейшем так случится еще не один раз. Как уверял Жак Сустель, «Черчилль и де Голль обладали несносными характерами... Когда они были солидарны друг с другом, то все шло хорошо. Но как только между ними возникало несогласие, с них точно кожу сдирали. Они тут же начинали неистово спорить. И тогда де Голль заявлял, что Черчилль слишком много выпил и виски ударило ему в голову. А Черчилль, в свою очередь, упрекал де Голля за то, что он мнит себя Жанной д'Арк».

Конфликт де Голля с англичанами из-за Сирии и Ливана вызвал достаточно серьезный кризис и внутри Свободной Франции. Мюзелье, Кассен, Тьерри д'Аржанлье обвинили де Голля в авторитарности и выразили неудовольствие тем, что он без их ведома чуть не пошел на разрыв с Англией. Они считали целесообразным создать коллегиальный руководящий орган Свободной Франции. Но де Голль быстро сумел перехватить инициативу. 24 сентября 1941 года при согласии англичан он издал ордонанс о новой организации общественных властей Свободной Франции. Им учреждался Французский национальный комитет, временно осуществлявший функции государственной власти и призванный существовать до тех пор, «пока не будет создано представительство французского народа, способное независимо от врага выражать волю нации».

В комитет вошли комиссары, назначенные председателем, генералом де Голлем. Ими стали: Плевен (по координации деятельности комитета), Дежан (по иностранным делам), Кассен (юстиции и общественного образования), генерал Лежантийом (по военным делам), адмирал Мюзелье (военного и торгового флота), генерал Вален (по делам авиации), Дьетельм (внутренних дел). Комиссары возглавили свои национальные комиссариаты. Таким образом было создано некое подобие правительства.

Практически все «свободные французы» остались довольны изменением структуры их организации. Исключение составил лишь адмирал Мюзелье. Он явно сам хотел стать председателем или хотя бы заместителем председателя комитета. Де Голль отправил ему довольно резкое письмо и дал понять, что адмирал или должен работать на своем посту, или покинуть комитет. Мюзелье смирился и согласился занять предложенное место. Вообще его отношения с главой Свободной Франции складывались нелегко. Адмирал, так же как и де Голль, был амбициозен. К тому же, скорее всего, за его действиями стояли англичане из окружения Черчилля. Они хотели бы поставить на место де Голля Мюзелье, который им казался более сговорчивым и поддающимся влиянию.

<...>

Де Голль стремился добиться к себе расположения и со стороны Соединенных Штатов. Но сделать это было совсем нелегко. США поддерживали дипломатические отношения с Виши. А вообще официальный Вашингтон придерживался мнения, что «опрокинутая Франция не может больше приниматься в расчет».

В Америку эмигрировали многие французы, в большинстве своем те, которые не захотели присоединиться к де Голлю. Они относились к генералу плохо и создавали ему соответствующую репутацию. Президент США Франклин Рузвельт воспринимал генерала крайне негативно и даже называл «полоумным, гангстером и опасным фашистом». Глава Свободной Франции знал об этом и упорно пытался с помощью своих сторонников переломить такое мнение о себе. В результате определенные успехи были достигнуты.

В конце осени 1941 года представитель де Голля в США Рене Плевен добился права создания в Вашингтоне дипломатического представительства Свободной Франции. Вскоре туда отправилась целая делегация «свободных французов». Рузвельт распространил на лондонскую организацию де Голля действие закона о лендлизе.

В 1941 году именно в США появилась первая биография генерала де Голля. Ее автором был сын знаменитого французского писателя Мориса Барреса журналист Филипп Баррес, живший во время войны в Соединенных Штатах. Он самым положительным образом характеризовал главу Свободной Франции и горячо поддерживал его действия. Книгу выпустили в Нью-Йорке на английском языке и чуть позднее в Лондоне — на французском.

<...>

Вступление США в войну после бомбардировки Японией Пёрл-Харбора и объявление Свободной Францией войны Японии не повлекло за собой расширения отношений между Свободной Францией и Соединенными Штатами. Даже наоборот. В декабре 1941 года возник настоящий конфликт между де Голлем и американской администрацией. Поводом послужило решение генерала присоединить к его комитету островные французские колонии в Атлантическом океане — Сен-Пьер и Микелон, имевшие важное стратегическое значение. Глава Свободной Франции направил туда корабли во главе с адмиралом Мюзелье, который овладел островами. Рузвельт был крайне недоволен, что «свободные французы» сделали это без его согласия. Урегулировать ситуацию удалось с помощью англичан.

К концу 1941 года Свободная Франция превратилась в достаточно действенную силу. «Свободных французов» было уже почти 50 тысяч человек, главным образом военных. Руководство голлистской организации сформировало их в три армии (назем-

ную, воздушную и морскую), принимавшие участие в операциях союзников. Официального главнокомандующего войсками «свободных французов» не было. Но де Голль таковым, естественно, считал себя. Именно он издавал приказы о повышении военных в званиях.

Движение Сопротивления

На территории Франции, как в оккупированной, так и в свободной зонах, в 1941 году зародилось и постепенно развивалось движение Сопротивления. Решения о вступлении в борьбу против оккупантов и их пособников принимали и отдельные люди, и целые группы. В конце года Сопротивление уже превратилось во внушительную действенную силу. В нем были представлены почти все слои французского общества. Самую активную роль в движении играла Французская коммунистическая партия (ФКП).

Сведения о развитии Сопротивления во Франции регулярно приходили в Лондон к де Голлю. Проявив политическое чутье, генерал решил взять его под свой контроль. Он поставил перед собой задачу объединить разрозненные силы Сопротивления вокруг Свободной Франции. В связи с этим де Голль выступил с рядом речей, где изложил программу возглавляемой им организации. В одной из них он заявил, что к первоначальному девизу «Честь и Родина» теперь добавляется еще один — «Свобода. Равенство. Братство». «Мы хотим остаться верными, — подчеркнул генерал, — демократическим принципам, которые дал нашим предкам гений нашей нации и которые являются ставкой в этой войне не на жизнь, а на смерть». Для того, чтобы практически приступить к объединению различных группировок Сопротивления под своим руководством, де Голль начал направлять во Францию особые политические миссии. Главная из них была поручена известному деятелю французского Сопротивления Жану Мулену.

До войны Мулен в возрасте 39 лет стал самым молодым во Франции префектом департамента и директором канцелярии одного из министров правительства Народного фронта, известного деятеля партии радикалов Пьера Кота. После поражения Франции правительство Виши сместило Мулена с должности префекта, и он посвятил себя организации движения Сопротивления. 20 октября 1941 года Мулен по собственной инициативе

прибыл в Лондон к де Голлю. Он представил генералу доклад об обстановке во Франции. «Решающим условием всех дальнейших успехов Сопротивления Мулен считал немедленную помощь со стороны английского правительства и генерала де Голля. Он просил оказать организациям Сопротивления политическую и моральную поддержку, предоставить им в распоряжение средства связи и финансовую помощь». Мулен произвел сильное впечатление на главу Свободной Франции. Благодаря ему генерал впервые получил достоверные сведения о движении, развернувшемся на родине. Де Голль решил возложить на этого человека трудную, опасную и ответственную миссию — объединить все группировки Сопротивления и обеспечить их подчинение его руководству. 1 января 1942 года Мулен спрыгнул с парашютом в южной Франции.

<...>

На некоторое сближение со Свободной Францией пошли Соединенные Штаты. Они вступили в войну с Японией и нуждались в удобных военно-морских базах на Тихом океане. Под властью де Голля уже находились островные владения Франции — Новая Каледония, Новые Гебриды, Маркизские острова, Таити, Туамоту и острова Общества. Рузвельт признал власть над ними Французского национального комитета, чтобы получить к ним доступ.

В конце февраля 1942 года в Лондон с островов Сен-Пьер и Микелон вернулся адмирал Мюзелье. На первом же заседании комитета, где он присутствовал после долгой отлучки, у адмирала опять возник конфликт с де Голлем. На этот раз Мюзелье был не согласен с дипломатической подоплекой военной операции, которой его отправили руководить. Генерал сразу же пресек дебаты по этому поводу. В ответ адмирал обвинил председателя комитета в «стремлении к диктатуре» и «некомпетентности» и подал в отставку. Де Голль не стал больше его удерживать. Так их сотрудничество навсегда закончилось.

Благодаря деятельности Жана Мулена связи Свободной Франции с представителями Сопротивления стали приобретать более или менее систематический характер. При лондонском комитете был создан комиссариат по информации, который возглавил Сустьель. В его функции входило главным образом поставлять информацию о деятельности Свободной Франции различным радиостанциям мира, а также подпольным изданиям, выходящим на территории Франции. Начиная с весны 1942 года

некоторые деятели Сопротивления стали склоняться к признанию де Голля. В Лондон стремились попасть руководители различных группировок, чтобы лично познакомиться с генералом. У него побывали представители Социалистической партии Пьер Броссолет, Феликс Гуэн, Кристиан Пино, Андре Филип, радикал Пьер Мендес-Франс, беллетрист, автор нескольких книг о Сопротивлении Эммануэль д'Астье де Ля Вижери. В одной из них он описал свою первую встречу с де Голлем и так представил его: «Он вещает, словно на его плечах груз тысячелетней истории или словно он видит свое имя на ее страницах через сотню лет. Мне вдруг начинает казаться, что его мрачное рвение вызвано одним желанием воодушевить французский гений и заставить его вновь обрести свое национальное и историческое могущество, единственное, во что он верит».

Большое значение имел визит в Лондон весной 1942 года Кристиана Пино. Он привез проект составленного им Манифеста, в котором глава Свободной Франции именовался представителем французского народа. Де Голль лично переработал Манифест, и Пино увез его обратно во Францию. В июне 1942 года он был опубликован в нелегальной печати. В Манифесте осуждался режим Третьей республики и режим Виши, сотрудничавший с фашистами. В нем также говорилось, что по окончании войны должно произойти «восстановление целостности территории Франции, ее Империи, ее достояния, восстановление полного суверенитета нации». «Как только французы будут освобождены от вражеского угнетения, — подчеркивалось в документе, — все их внутренние свободы должны быть им возвращены. После изгнания врага с нашей территории все мужчины и женщины изберут национальную ассамблею, которая сама решит судьбы нашей страны». По существу такой текст свидетельствовал о признании де Голлем общих демократических принципов. В нем было дано обещание созвать после освобождения полномочный парламент и восстановить в стране демократические свободы. Появление Манифеста самым положительным образом сказалось на отношениях Свободной Франции с внутренним Сопротивлением. Многие некоммунистические организации теперь примкнули к де Голлю.

«Свободные французы» по-прежнему принимали участие в военных операциях. В Ливии под командованием генерала Кёнига в мае-июне 1942 года они сдержали наступление немецкой армии

во главе с Роммелем в местечке Бир Хакейм. Глава Свободной Франции был рад этому успеху и отправил Кёнигу следующее послание: «Знайте и передайте вашим войскам, что вся Франция смотрит на вас и гордится вами».

Примерно в то же время глава Свободной Франции получил и новый удар от англичан. Без ведома генерала британское правительство высадило свои войска на контролируемом Виши острове Мадагаскар. Соединенные Штаты поддержали действия Англии. Помимо того, вашингтонская администрация подписала с Петэном договор об использовании американцами для своих военных баз острова Мартиника в Карибском море, остававшимся под контролем Виши. Де Голль был вне себя. Он воспринял эти события как прямое посягательство со стороны союзников на французские территории и игнорирование интересов Французского национального комитета.

<...>

6 июня де Голль решает выразить свое негодование по поводу Мадагаскара Черчиллю. Он передает ему следующее: «Если бы на Мадагаскаре, в Сирии или в других местах Франции вследствие действий ее союзников пришлось бы потерять что-либо из того, что ей принадлежит, наше прямое сотрудничество с Великобританией, а также, возможно, и с Соединенными Штатами лишилось бы всякого оправдания. Мы оказались бы вынужденными покончить с таким положением дел. И это привело бы к тому, что мы сосредоточили бы все свои силы на освобожденных (ныне или в будущем) территориях, с тем чтобы продолжать борьбу всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, но в одиночестве и в своих собственных интересах». 11 июня министр иностранных дел Великобритании Антони Иден при личной встрече заверил генерала в том, что Англия не собирается захватывать французские территории.

Страсти понемногу улеглись, и де Голль начал готовиться к празднованию второй годовщины своего знаменитого призыва. 18 июня 1942 года генерал произнес в Лондоне перед «свободными французами» длинную, полную патетики речь.

<...>

Словно услышав эти слова, американцы, наконец, сделали первый серьезный шаг навстречу Свободной Франции. 9 июля 1942 года США опубликовали меморандум, в котором говорилось: «Правительство Соединенных Штатов признает вклад генерала

де Голля и усилия Французского национального комитета в дело поддержания духа французских традиций и институтов. Оно считает, что осуществлению целей, необходимых для эффективного ведения войны...будет наилучшим образом способствовать оказание Французскому национальному комитету, являющемуся символом Французского Сопротивления державам оси, всяческой военной помощи и поддержки».

Сражающаяся Франция

В канун праздника 14 июля 1942 года де Голль принимает решение переименовать возглавляемую им Свободную Францию в Сражающуюся Францию. Он объявляет, что тем самым включает в свою организацию все силы, борющиеся против общего врага, то есть все группировки движения Сопротивления. В речи по Би-би-си генерал призывает французов не оккупированной зоны отметить главный национальный праздник: «Пусть завтра каждый дом будет украшен трехцветным национальным знаменем. Французы и француженки, соберитесь в каждом городе и каждой деревне в одном месте и спойте «Марсельезу» в полный голос, на едином дыхании, со слезами на глазах». И действительно, многие жители Франции услышали призыв из Лондона и исполнили пожелание де Голля.

28 июля генерал в подтверждение своей идеи о расширении созданной им организации ввел в состав Французского национального комитета приехавшего из Франции социалиста Андре Филипа. Он был назначен комиссаром внутренних дел.

Заседания комитета проходили в Лондоне на Карлтон-Гарденс-4. Вот как описал их Жак Сустель. «Де Голль всегда стремился, чтобы заседания комитета хотя бы более или менее походили на заседания Совета министров. Но атмосфера, которая на них царила, не напоминала, как там, похоронную. Де Голль председательствовал. Он сидел в комнате, отделанной деревом, под большими настенными часами. На столе перед ним были рассыпаны сигареты, которые он закуривал одну за другой. Обсуждения проходили очень оживленно. Каждый присутствовавший энергично отстаивал свою точку зрения, и сам председатель не пренебрегал участием в дискуссиях. По возвращении в свой кабинет он терпеливо рассматривал тысячи просьб и жалоб, поступавших на его имя от свободных

французов (среди них бывали даже жалобы жен, огорченных ветреным поведением своих мужей). Затем он вместе со своими сотрудниками и посетителями обсуждал военное и политическое положение».

Табак был настоящей страстью де Голля. Он выкуривал сорок сигарет за день да плюс к этому две сигары. Генерал также имел всегда при себе фляжку с легким, сладким, почти безалкогольным шампанским. Время от времени он отхлебывал из нее маленький глоточек.

С начала августа по конец сентября 1942 года де Голль совершает большое путешествие по территориям «сражающихся французов» в Африке и на Ближнем Востоке. 5 августа он отправляется в Каир. Генерал прибыл в египетскую столицу почти одновременно с Черчиллем, который следовал через Тегеран в Москву на встречу со Сталиным.

<...>

Объехав свои африканские владения, 25 сентября 1942 года де Голль вернулся в Лондон. Он не был доволен положением Сражающейся Франции. Камнем преткновения между ним и союзниками оставалась ситуация с Ливаном, Сирией и Мадагаскаром. Генерал упорно добивался, чтобы Великобритания и Соединенные Штаты признали его власть над этими территориями. Но Черчилль и Рузвельт не торопились это сделать и вообще считали претензии де Голля необоснованными.

30 сентября глава Сражающейся Франции в очередной раз при личной встрече пытался потребовать от премьер-министра Англии признания за собой приоритетных прав на Сирию, Ливан и Мадагаскар. Однако Черчилль не уступал... Собеседники расстались, так ни о чем и не договорившись.

В своих воспоминания Черчилль так охарактеризовал де Голля: «Я знал, что он не был другом Англии, но я всегда признавал в нем дух и идею, которые навсегда утвердят слово «Франция» на страницах истории. Я понимал его и, негодуя, одновременно восхищался его высокомерным поведением. Эмигрант, покинувший свою страну, приговоренный к смерти, он находился в полной зависимости от доброжелательности сначала английского правительства, а затем правительства Соединенных Штатов. Немцы захватили его родину, у него нигде не было настоящей точки опоры. Тем не менее он противостоял всему. Всегда, даже тогда, когда он поступал наихудшим образом, он, казалось, вы-

ражал индивидуальность Франции, великого государства со всей его гордостью, властностью и честолюбием». Но эти строки были написаны после войны, когда оба политика оказались уже не у дел. А пока главе Сражающейся Франции еще не раз придется отстаивать перед союзниками свое право на существование.

В октябре де Голль принимал в Лондоне лидеров Сопротивления. На территории Франции объединением различных группировок в единое целое занимались Жан Мулен в южной зоне и Жильбер Рено (известный под псевдонимом полковника Реми) в оккупированной немцами части страны. Де Голль поручил Реми войти в контакт с коммунистами, игравшими решающую роль в движении Сопротивления, и просить их прислать в Лондон своего представителя. Однако лидер действующей в подполье ФКП Жак Дюкло, получавший директивы из Москвы от руководителей Коминтерна Георгия Димитрова и Андре Марти и находившегося в СССР Мориса Тореза, пока не выходил на связь с голлистами.

В конце октября де Голль проехал с инспекциями по английским портам, где базировались морские силы «сражающихся французов».

<...>

Ноябрь принес главе Сражающейся Франции новые испытания, по сравнению с которыми предыдущие казались не столь серьезными. 8 ноября 1942 года началась высадка крупного англо-американского десанта под командованием генерала Эйзенхауэра в Алжире. Рузвельт и Черчилль решили овладеть французской Северной Африкой, где стоял крупный военный контингент Виши. Американцы нашли двух высокопоставленных французских военных, которые по их замыслу должны были помочь им привлечь на сторону союзников вишистских офицеров и солдат в Алжире. Первым был адмирал Франсуа Дарлан, вице-премьер правительства Виши, командующий сохранившейся частью французской эскадры. Вторым — генерал армии Анри Жиро, бежавший из немецкого плена и обосновавшийся в южной зоне. Дарлан находился в Алжире якобы случайно. Жиро американцы сами вывезли из Франции. Адмирал приказал войскам в Северной Африке не оказывать сопротивление соединениям союзников и заявил, что он берет власть «от имени маршала». Американцы сразу назначили его верховным комиссаром Северной Африки. В ответ на это немецкая армия оккупировала южную зону Франции, Корсику и Тунис.

Де Голля о готовящейся операции союзники даже не предупредили, он оказался просто перед фактом их действий у него за спиной. Настроение генерала было подавленным. Он понимал, что все случившееся спланировали и осуществили американцы. 14 ноября де Голль с негодованием писал Черчиллю: «Приход к власти Дарлана в Северной Африке с помощью американцев и «от имени маршала» являет собой, на мой взгляд, одно из главных событий этой войны. Я думаю, что для французской нации этот факт будет иметь более серьезные последствия, чем капитуляция Бордо. Французский народ теперь понимает, что Соединенные Штаты уже не только признают власть, базирующуюся на предательстве Франции и ее союзников, тираническую, вдохновляемую нацистами и состоящую из людей, сотрудничающих с немцами, но и сами присоединились к этой власти, этому режиму и этим людям». Впрочем, насчет Черчилля де Голль также не испытывал никаких иллюзий. Он понимал, что все было сделано с его согласия. Генерал давно считал британского премьера «лейтенантом Рузвельта».

19 ноября глава Сражающейся Франции обратился с посланием уже ко всем союзным правительствам: «Совершенно очевидно, что гнев, горечь и ошеломление, спровоцированные во Франции этой политической операцией, произвели на сопротивление французского народа и его доверие к союзникам такое ужасное впечатление, какое даже невозможно было представить».

После таких заявлений де Голля лишили возможности выступать по Би-би-си. Ему пришлось использовать для эфира радиостанции Бейрута и Браззавиля. Правда, 14 декабря, наконец-то, Иден подписал с генералом соглашение о передаче власти на Мадагаскаре Французскому национальному комитету. Глава Сражающейся Франции был удовлетворен этим событием. Однако всеми своими помыслами он уже устремился в Алжир. Де Голль понимал, что его пытаются отстранить от участия в важных событиях, его, единственного француза, призвавшего свой народ продолжать сражаться, основателя Свободной Франции, столько достигшего за два с половиной года исключительно собственными усилиями, волей и упорством! Нет, он этого ни за что не допустит.

И генерал опять начинает действовать. Он знал, что в Алжире есть и его сторонники. К тому же за ним стоят практически все силы движения Сопротивления. Дарлана, как и любого другого

вишиста, де Голль считал предателем, с которым нельзя иметь никаких дел. А вот с Жиро генерал хотел встретиться, но тот отказался. Тогда глава Сражающейся Франции добился отправки в Алжир своего представителя, генерала Франсуа д'Астье де Ля Вижери, брата беллетриста Эммануэля. В алжирской столице в окружение Дарлана входил еще один их брат, Анри д'Астье де Ля Вижери. Посланник де Голля должен был изучить ситуацию на месте и доложить о ней генералу.

Франсуа д'Астье де Ля Вижери пробыл в Алжире с 19 по 22 декабря. А 24 декабря адмирал Дарлан был застрелен в своем служебном кабинете студентом Алжирского университета Фернаном Бонье де Ля Шапелем. На следующий день студента расстреляли без суда и следствия. Кто стоял за убийством адмирала? Распутать хитросплетения алжирских событий далекого декабря 1942 года не удалось до сих пор. Друг Бонье де Ля Шапеля Филипп Рагено утверждал, что тогда они своей небольшой студенческой группой патриотов постановили, что убьют адмирала-предателя... Сам де Голль много лет спустя подчеркивал, что вишиста Дарлана «не убили, а казнили». Как бы то ни было, глава Сражающейся Франции горевать по поводу кончины адмирала не стал. Он отнесся к этому факту спокойно, как христианин и военный. Даже когда в 1916 и 1940 годах вверенные ему подразделения несли большие потери, он говорил просто: «Наш полк потерял достаточно перышек». Дарлан, конечно, был не перышком, а крупной птицей. Ну так что ж? Отправили к праотцам, и теперь только Бог ему судья.

Все сначала

Ситуация в Северной Африке после кончины Дарлана отнюдь не изменилась в пользу главы Сражающейся Франции. Американцы приняли решение назначить на место адмирала Жиро, который получил титул «гражданского и военного главнокомандующего». Окружение Жиро состояло из вишистов, да и сам он явно сочувственно относился к режиму Виши и более чем благосклонно к американцам. Рузвельта это очень устраивало, а Черчилль не находил никаких оснований ему перечить. Таким образом, де Голль опять оставался в стороне. Американский президент иронично заметил по его поводу: «Интересно, что будет делать теперь этот бригадный генерал, который утверждал, что

он проиграл только битву, а не войну, и вообразил, что может на равных разговаривать с могущественной Америкой». А бригадный генерал прекрасно понимал, что придется практически с нуля начинать борьбу за собственное признание.

<...>

В январе 1943 года Рузвельт и Черчилль встретились на конференции в Марокко, в городе Касабланка. На ней, в частности, рассматривался и «французский вопрос». Туда пригласили Жиро и де Голля. Союзники очень хотели, чтобы под их бдительным оком два генерала договорились, вернее, желали, чтобы де Голль подчинился силам Жиро, который всегда будет действовать по их указке. Понимая это, глава Свободной Франции вообще не хотел лететь в Марокко. Он считан также, что «французский вопрос» должен быть решен французами, без посредников. Де Голль писал: «С тех пор как Америка вступила в войну, Рузвельт решил, что мир будет миром американским, что именно ему принадлежит право диктовать условия организации этого мира, — он хотел, чтобы страны, раздавленные испытаниями войны, признали за ним право судить, и считал, что, в частности, он станет спасителем Франции и вершителем ее судьбы».

Явиться в пригород Касабланки Анфу де Голлю все же пришлось. Он вел там переговоры с Рузвельтом, Черчиллем, Жиро, английским министром Гарольдом Макмилланом, уполномоченным британского премьера в Алжире и генеральным консулом США в Алжире Робертом Мэрфи. Все они давали понять главе Свободной Франции, что он должен подчиниться Жиро. Генерал категорически отказался и хотел уехать с инспекциями в Ливию. Черчилль же, желая наказать де Голля за «плохое поведение», предоставил ему лишь место в самолете, отбывавшем в Лондон.

«Все последующие дни, — вспоминал де Голль, — были для меня мучительны... Состязание между Вашингтоном и Лондоном в неблагоприятности к нам нашло свое более чем широкое отражение. В прессе и радиовещании, за редкими и благородными исключениями, газеты и комментаторы в Америке и даже в самой Великобритании, казалось, не сомневались в том, что французское единение должно произойти вокруг Жиро. Почти во всех газетах и выступлениях по радио в отношении меня выносились самые суровые суждения. Некоторые говорили: «жалкая гордыня» или «несбывшиеся притязания», но большинство заявляло, что я кандидат в диктаторы, что мое окружение, ки-

шащее фашистами и кагулярами, толкает меня на установление во Франции после освобождения личной абсолютной власти; что, в противоположность мне, генерал Жиро, простой солдат без всяких политических притязаний и намерений, является опорой демократии; что французский народ может довериться Рузвельту и Черчиллю, которые помешают мне поработить французов».

Но разве он когда-нибудь сдавался? Не сдастся и на этот раз. Де Голль докажет союзникам, что не станет никому подчиняться, потому что Францию, французский народ представляет только он. Для этого генерал продолжал утверждать свою власть внутри своей страны, внутри движения Сопротивления.

В этом направлении глава Свободной Франции сделал значительные успехи. Пока он в декабре и январе состязался с союзниками, его представитель, полковник Реми удачно провернул целую операцию по доставке к де Голлю в Лондон делегата-коммуниста.

После высадки союзников в Северной Африке и оккупации южной зоны Франции в Коминтерне, наконец, приняли решение о необходимости сотрудничества ФКП и Сражающейся Франции. В постановлении исполнительного комитета Коминтерна от 25 ноября четко указывалось: «Коммунистическая партия должна согласовывать деятельность уже организованных национальных сил, установить и поддерживать непосредственный контакт с де Голлем». После этого Дюкло получил из Москвы шифротелеграмму: «Учитывая новую ситуацию, считаем необходимым, чтобы вы послали представителя в Лондон при де Голле».

Выбор ФКП пал на Фернана Гренье. Он еще в молодости вступил в ряды партии и перед войной стал депутатом парламента. Это был добрый искренний человек, веривший в идеалы коммунистического движения и самоотверженно выполнявший партийные задания. В начале войны его как коммуниста арестовали и отправили в концентрационный лагерь, откуда в 1941 году он смог бежать. Гренье добрался до Парижа и сразу включился в подпольную работу. Средства к существованию он с женой получал только от связного. Однажды в 1942 году тот не вышел на связь и супруги остались без денег и продуктов. «Я страшно исхудал, — писал впоследствии Гренье. — Достаточно мне было пройти десять минут по улице, как у меня начиналось головокружение». Помог случай. Жена Гренье случайно встретила на улице бывшую секретаршу мужа. Так связи с партией восстановились.

Лидер ФКП Жак Дюкло в условиях строжайшей секретности лично встретился с Фернаном Гренье, сообщил ему, что партия отправляет его в Лондон к де Голлю, и дал инструкции. 31 декабря Дюкло получил из Москвы еще одну шифровку: «Почти полностью военное и гражданское окружение де Голля крайне подозрительно с разных сторон. Поэтому советуем вашему делегату при де Голле быть чрезвычайно осторожным со всех точек зрения: политической, организационной, связи с вами и личной. Выберите делегата умного и твердого. По приезде он должен увидеть советского представителя при де Голле Богомолова, который даст ему полезные советы».

Полковника Реми познакомили с Гренье в самом начале января. Агент де Голля предупредил делегата-коммуниста о том, чтобы он не брал никакого багажа, и назначил свидание 8 января на вокзале Монпарнас в Париже. Путешественники должны были сначала отправиться поездом в Кемпер — город на юге Бретани.

Делегат-коммунист явился точно к указанному времени. Каково же было удивление худого, изможденного, обеспокоенного предстоящей миссией, строго подчинившегося инструкции (никакого багажа!) Фернана Гренье, когда он увидел Реми. Тот шел уверенной походкой, разодетый, в сопровождении нескольких молодых людей, тащивших за ним тяжелые вещи. Гренье просто обомлел. Он особенно удивился большому серому пакету полутораметровой высоты. Контролер вообще запретил грузить его в вагон. Но попутчики Реми все же как-то смогли протащить пакет. Когда поезд тронулся, Гренье осмелился спросить Реми, что же это такое. И тот ему спокойно ответил: «Горшок с азалией для мадам де Голль».

В Кемпере Реми нанял носильщика, доставившего его вещи в гостиницу. Он пригласил Гренье позавтракать в хороший ресторан. Коммунист, после своей тяжелой жизни в подполье, с ужасом констатировал, что Реми за один завтрак потратил такую сумму, на которую он с женой в Париже жил бы месяц. Днем путешественники сели в автобус и отправились в Понт-Авен, городок на Атлантическом побережье. Опять возникли трудности с азалией. Ее пришлось укрепить на крыше. Автобус был битком набит — стояла страшная духота. Обессиленному Гренье стало плохо. Реми страшно перепугался. Тогда открыли окно. Бедного делегата быстро привели в чувство и усадили на освободившееся место. В Понт-Авен прибыли вечером. Остановились в небольшом домике, где Реми все хорошо знали.

Утром, когда едва рассвело, двух мужчин взял на борт небольшой рыболовецкий катер. С него они должны были в открытом море пересечь на английское судно. Но в этот день поднялся страшный шторм. В результате французский траулер не смог доплыть до английского корабля к назначенному часу. Пришлось вернуться в Понт-Авен. Оба путешественника даже обрадовались этому. Все время, проведенное на воде, Гренье страдал от морской болезни, а Реми что-то попало в глаз, и он тоже не находил себе места.

На следующий день все повторилось сначала. На сей раз удалось добраться вовремя до английского катера. Когда французское судно оказывалось на гребне волны, все желающие перебраться на соседний катер сильно отталкивались и прыгали прямо в руки английских матросов. Последней «перепрыгнула» азалия. И вот, через несколько часов — долгожданный конец мучительного переезда, английский порт Фалмут.

Реми сразу же уехал в Лондон. А Гренье пока отвезли на уединенную виллу в лесу. Там он пробыл, скорее всего, дней десять, под надзором хозяина. Такую процедуру проходили все прибывающие из оккупированных стран. В это время английские разведывательные службы Интеллидженс Сервис наводили о них справки.

Фернан Гренье встретился с де Голлем в первый раз после того, как тот вернулся из Марокко. Следуя инструкции, которая была дана Дюкло, делегат ФКП посетил и Богомолова. Но здесь произошло недоразумение. Посол явно не был оповещен о приезде Гренье и поэтому с недоумением сообщил о случившемся в Москву своему куратору Деканозову. А тот, в свою очередь, немедленно, 3 февраля 1943 года отписал Димитрову в Коминтерн:

«В Лондоне к нашему послу товарищу Богомолову явился Фернан Гренье, назвавшийся уполномоченным Национального Комитета Французской Коммунистической партии для связи с де Голлем. Он рассказал, что Центральный Комитет Французской Компартии получил от де Голля предложение о создании постоянной связи. Дюкло, Торез и др. якобы решили послать его — Гренье.

По сообщению Богомолова, Гренье 41 год, рыжеватый, лысый, нос длинный, глаза карие, выглядит старше своих лет... Находится в Лондоне около месяца. В Национальном комитете ему дали работу по пропаганде внутри Франции.

Просьба сообщить, что Вам известно о Гренье и его связи с де Голлем».

На следующий день Димитров незамедлительно отвечает Деканозову:

«Товарищ Гренье нам хорошо известен. Он бывший депутат Компартии Франции и председатель французского общества «Друзей Советского Союза». Честный и преданный.

Он был послан ЦК Компартии Франции в качестве ее представителя при Национальном комитете де Голля. Учитывая плохое окружение де Голля, ему было дано, с нашего согласия, поручение время от времени просить у Богомолова необходимую информацию, чтобы он мог лучше ориентироваться в лондонской обстановке...»

Таким образом небольшой инцидент был исчерпан. А 26 февраля уже сам Гренье посылает в Москву подробное письмо на имя Андре Марти... Отдельный раздел своего письма Гренье озаглавил «Генерал де Голль». В нем он подчеркнул: «...на подаренной мне фотографии он написал: «Моему другу. Сражающемуся француз Фернану Гренье». У меня вообще складывается впечатление, что де Голль очень изменился за последние два года. Он все более и более отчетливо понимает, что во Франции завтрашнего дня ничего нельзя будет сделать без рабочих масс».

В начале 1943 года у де Голля в Лондоне побывали многие представители различных политических направлений Сопротивления. Среди них — социалисты Венсан Ориоль и Андре Лё Трокёр, радикал Анри Кей, лидер правой Республиканской Федерации Луи Марэн. 15 февраля в английскую столицу прибыл Жан Мулен. На него генерал возложил новую ответственную миссию объединения всех организаций Сопротивления и партий, выступавших против оккупантов и вишистов в единый Национальный совет Сопротивления. Мулен вернулся во Францию во второй половине марта и сразу приступил к работе. Еще до этого де Голль назначил генерала Делестрена командующим тайной армией.

<...>

В апреле противостояние главы Сражающейся Франции и Жиро переходит в решающую стадию. Союзники требовали немедленного прибытия де Голля в Алжир и подписания соглашения с Жиро. Генерал медлил и пока послал туда в качестве своего представителя Катру. Он ждал вестей из Франции, от Мулена.

В мае потерявшие терпение Рузвельт и Черчилль были склонны вообще «покончить» с несговорчивым главой Сражающейся Франции. В письме Антони Идену британский премьер прямо его

спрашивает: «Не следует ли сейчас устранить де Голля как политическую силу?» А Рузвельт напоминает Черчиллю, как генерал настойчиво требовал передать ему власть над Мадагаскаром. «Так, может быть, — пишет он, — сделать его губернатором острова?» Доброжелательную позицию по отношению к де Голлю занял только Иден, заявивший, что отстранить его от дел уже невозможно.

27 мая во Франции был создан Национальный Совет Сопротивления. Жан Мулен стал его председателем. Он отправил главе Сражающейся Франции телеграмму, в которой говорилось, что «французский народ никогда не допустит подчинения генерала де Голля генералу Жиро и требует быстрейшего учреждения в Алжире Временного правительства под председательством генерала де Голля».

Так, получив крупный козырь и представ перед общественным мнением в качестве национального лидера, пользующегося безоговорочной поддержкой движения Сопротивления, де Голль 30 мая прибыл в Алжир.

Французский комитет национального освобождения

30 и 31 мая де Голль встречался в алжирской столице с Жиро. Они вели переговоры о создании «нового органа французской власти» и о том, кто должен в него войти. Взаимопонимания у собеседников не возникло. Глава Сражающейся Франции требовал немедленного устранения бывших вишистских губернаторов Буассона, Ногеса и Пейрутона. Жиро противился. И все-таки двум генералам удалось договориться. 3 июня 1943 года они подписали в Алжире ордонанс, учреждающий Французский комитет национального освобождения (ФКНО) и его первую декларацию. Посол СССР в Лондоне Майский записал по этому поводу в своем дневнике: «Де Голль требовал отставки Пейрутона, даже не посоветовавшись с Жиро. Произошла ссора. Жиро был в бешенстве, и соглашение повисло в воздухе. В конечном счете Макмиллану удалось утихомирить разбушевавшиеся страсти и свести вместе развоевавшихся генералов. Комитет был образован. Макмиллан даже доносил в Лондон, что в конце длинного заседания де Голль и Жиро обнялись. Забавный народ эти французы!»

В комитет вошли де Голль и Жиро в качестве председателей, а также еще пять человек — генералы Катру и Жорж, Андре Филип, Рене Массильи и Жан Монне. Свои задачи ФКНО видел в том, чтобы вместе с союзниками продолжать борьбу «до полного

освобождения французских территорий и территорий союзников, до победы над всеми враждебными державами». Комитет обязался «восстановить все французские свободы, законы республики и республиканский режим».

7 июня были сформированы комиссариаты (министерства) ФКНО, а его состав расширен. По предложению де Голля в него вошли Рене Плевен, Анри Бонне, Андре Дьетельм и Адриен Тиксье. По предложению Жиро — Морис Кув де Мюрвиль и Жюль Абади. Теперь членов комитета стало четырнадцать, причем девять из них принадлежали к Сражающейся Франции. О своей поддержке де Голля заявили также Монне и Кув де Мюрвиль. Таким образом расстановка сил сложилась в его пользу, и он одержал свою первую победу в Алжире.

Де Голль, конечно, считал, что за спиной Жиро и его ставленников стоят англичане и американцы. 12 июня он писал жене, пока остававшейся в Лондоне: «Ты даже не можешь себе представить ту атмосферу лжи и обмана, в которую меня погрузили наши замечательные союзники и их здешние милые друзья. Нужно быть не из робкого десятка и думать только о Франции, чтобы не послать все ко всем чертям».

Соединенные Штаты и Великобритания, действительно, как и прежде, поддерживали Жиро. А вот Москва сразу взяла сторону де Голля.

<...>

Собственной главной целью де Голль считал борьбу за скорейшее освобождение Франции. Накануне приезда в Алжир он подчеркивал в одном из писем: «Надо по-новому воссоздать Францию. Случившаяся страшная трагедия, по крайней мере, предоставляет нам такую возможность. Горе нам навсегда, если мы ее не используем». О прошлом и будущем отечества генерал говорил и в речи 14 июля 1943 года. «Французы, — заявил он, — вот уже пятнадцать веков мы есть Франция, пятнадцать веков наша родина существует и в своей скорби и в своей славе. Наши испытания еще не пришли к концу, но уже определяется исход самой тяжелой драмы в нашей истории. Выше головы, по-братски сплотимся друг с другом и пойдем все вместе к нашим новым судьбам».

Генерал предпринял ряд энергичных мер по ликвидации вишистских порядков во французской Северной Африке. Это повысило престиж де Голля в глазах участников Сопrotивления. Все его организации, в том числе ФКП, выступили за признание создан-

ного в Алжире комитета. После оккупации немцами территории всей Франции действовать в подполье стало все труднее. Гестапо начало аресты. В июне 1943 года были схвачены руководитель тайной армии генерал Делестрен и председатель Национального Совета Сопротивления Жан Мулен. В начале следующего года арестовали Пьера Броссолета.

Не избежали преследований и родные де Голля. В 1943 году братьям генерала Ксавье и Жаку удалось перебраться в Швейцарию. Но его младший брат Пьер и сестра Мари-Аньес с мужем были депортированы. Несколько племянников де Голля бежали из Франции к нему в Алжир. В конце июля 1943 года в алжирскую столицу перебрались Ивонна с Анной. Генералу и его семье выделили небольшую виллу «Оливковые деревья», построенную в мавританском стиле. Элизабет пока оставалась в Англии. Она заканчивала учебу на филологическом факультете одного из Оксфордских колледжей и приехала к родителям только в 1944 году. Филипп служил на обедом корабле, участвовавшем в операциях против немецких конвоев у берегов Нормандии и Бретани.

26 августа 1943 года Французский комитет национального освобождения одновременно признали США, Великобритания и СССР, правда, с разными формулировками. Самым благосклонным к ФКНО было заявление Советского Союза, в котором указывалось, что правительство СССР решило признать комитет «как представителя государственных институтов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании».

Представителями Англии и Соединенных Штатов при ФКНО оставались Макмиллан и Мерфи. Англичане и американцы долго противились тому, чтобы в Алжир из Лондона переехал Богомолов. Они опасались, что присутствие при комитете посла СССР, явно поддерживающего де Голля, послужит укреплению его положения и ослаблению позиций Жиро. Тем не менее в Москве нашли выход из создавшейся ситуации. Было принято решение использовать для связи с де Голлем так называемую Комиссию по репатриации, имевшую ставку в Алжире. СССР входил в ее состав. В качестве представителя комиссии из Тегерана в алжирскую столицу в августе 1943 года вылетел опытный советский разведчик Иван Иванович Агаянц. Под фамилией Авалов он вошел в контакт с де Голлем и поддерживал с ним постоянную связь вплоть до октября, когда в Алжире, наконец, появился Богомолов.

<...>

Больше всего его (де Голля. — *Сост.*) волновала «проблема Жиро». Член ФКНО Морис Кув де Мюрвиль утверждал: «Совершенно очевидно, что Жиро не мог сравниться с де Голлем. Он был прекрасным военным, но политический ум у него просто отсутствовал. Жиро не имел ни малейших представлений о том, какой должна быть политика, особенно при тех сложных обстоятельствах, в которых в то время находилась Франция. Поэтому само собой разумеется, что де Голль завоевал авторитет, возглавил работу комитета и взял все в свои руки еще до того, как Жиро удалился».

Де Голль, действительно, один начал принимать важные решения, на которые Жиро просто не был способен. Однако сразу отстранить его от дел не удалось. Но бывший глава Сражающейся Франции нашел путь, следуя которому он смог это сделать. Сначала де Голль с согласия Жиро назначил его главнокомандующим французскими военными силами, а потом уже вынудил оставить пост председателя ФКНО. Генерал убедил Жиро, что совмещать две такие ответственные должности невозможно. 6 ноября члены комитета приняли решение о разделении военного командования и политической власти, 9 ноября де Голль переформировал ФКНО и стал его единоличным председателем.

<...>

Еще до устранения Жиро де Голль приступил к осуществлению широкой политической программы. Он думал о грядущей Франции и стремился уже в Алжире создать основы для ее будущих государственных институтов. 17 сентября 1943 года ФКНО принял ордонанс об учреждении в алжирской столице подобия парламента — Временной Консультативной Ассамблеи. Ее сформировали из 94 человек — представителей организаций Сопrotивления, бывших парламентариев и делегатов населения освобожденных территорий. Восемь из них были коммунистами. В начале ноября члены комитета приняли решение о введении в свой собственный состав представителей основных политических течений и организаций Сопrotивления. В него теперь входили Эммануэль д'Астье де Ля Вижери, Франсуа де Мантон, Анри Френэ, Рене Капитан, Андре Филип, Андре Лё Трокёр, Пьер Мендес-Франс, Анри Кей и другие. Обсуждался вопрос о вхождении в состав ФКНО коммунистов. Но он был решен лишь через некоторое время.

На первом заседании ассамблеи 3 ноября 1943 года де Голль выступил с речью перед собравшимися депутатами. Она была

красивой и торжественной. Генерал сказал: «На тернистом пути, которым идет нация и который шаг за шагом приближает ее к спасению и величию, созыв Консультативной ассамблеи знаменует собой выдающийся этап, значение которого очевидно для всех». Председатель ФКНО также заявил о программе реформ, которую собирался осуществить после освобождения Франции, и выразил надежду, что они будут поддержаны ее народом. В несколько замысловатой и завуалированной форме де Голль выдвинул идею «сильного государства», указав, что Франция, конечно, «хочет, чтобы люди, которым она поручит управление страной, обладали возможностью делать это достаточно последовательно и энергично, подчиняя всех граждан внутри страны высшему авторитету государства и проводя за его пределами достойную Франции политику». Далее генерал высказал уверенность в том, что Франция «хочет положить конец экономической системе, в которой основные источники национального богатства не принадлежат нации, где важнейшие процессы производства и распределения ускользают из-под ее контроля, где организации трудящихся отстранены от деятельности предприятий». Последнее заявление явно свидетельствовало о желании председателя ФКНО заручиться поддержкой левых сил, коммунистов, социалистов, профсоюзов, играющих важнейшую роль в движении Сопротивления.

Осенью 1943 года после освобождения союзниками Сицилии и Южной Италии и создания там правительства маршала Пьетро Бадольо, объявившего войну Германии, была создана Консультативная комиссия по Италии. В нее вошли представители США, Великобритании, СССР, а также ФКНО. В октябре французские войска совместно с солдатами Бадольо освободили Корсику. Это было несомненным успехом. Правда, в конце ноября де Голля не пригласили на Тегеранскую конференцию. И, тем не менее, он уже прочно утвердился у власти. Генерал стал не только политиком, но и бесспорным главой будущей Франции, которая ждала освобождения.

На родной земле

С начала 1944 года де Голль всецело посвятил себя французской политике. В конце января по его инициативе в Браззавиле была проведена конференция по проблемам развития стран французской Африки. Глава ФКНО прибыл в столицу Конго и произнес перед собравшимися длинную речь. Он вспомнил о недавнем прошлом

французских колоний, подчеркнув, что «в том отчаянном положении, в какое Франция была поставлена временным поражением, именно ее заморские территории, население которых во всех частях света ни на минуту не отказало ей в своей верности, явились для страны прибежищем и базой для организации борьбы за свое освобождение... в результате этого между метрополией и империей отныне существуют нерасторжимые узы».

Генерал также дал понять, что в будущем колониальная политика Франции непременно претерпит изменения. «Подобно тому как камень, брошенный по склону холма, — отметил он, — катится вниз с возрастающей скоростью, так и дело, начатое нами в Африке, неизменно возлагает на нас все большие и большие обязанности. К началу нынешней мировой войны уже становилась очевидной необходимость изменить основы, на которых строилось использование природных богатств наших владений в Африке, улучшить жизненные условия ее населения и осуществление французского суверенитета».

Связи комитета и его председателя с Сопротивлением постоянно расширялись. Де Голль старался привлечь на свою сторону как можно больше представителей некоммунистических организаций с тем, чтобы после освобождения они поддержали его действия. В начале 1944 года таких людей было уже достаточно много. Среди них — будущие активные деятели голлистского движения — Мишель Дебре, Жак Шабан-Дельмас, Эдмон Мишле, Раймон Трибуле, Луи Терренуар, Луи Валлон и другие.

10 января де Голль подписал в Алжире ордонанс, санкционировавший деление территории Франции на региональные комиссариаты во главе с комиссарами, соответствовавшие существующим ранее префектурам. Комиссары должны были заменить по всей стране вишистских префектов. Именно на них де Голль рассчитывал опереться в провинции. Поэтому важный процесс выбора кандидатур он возложил на своих твердых сторонников, в частности на Дебре.

Председатель ФКНО был окончательно признан Национальным Советом Сопротивления, который в марте опубликовал собственную программу. В ней вместе с требованием коренных демократических преобразований во Франции выдвигалось также условие создания Временного правительства республики во главе с де Голлем.

Сам глава ФКНО продолжал оглашать в Алжире свою политическую программу. Выступая перед депутатами консультативной ассамблеи 18 марта 1944 года, он заявил, что «сущность и форма

французского общества завтрашнего дня могут быть определены лишь представительным органом нации, избранным на основе всеобщих, прямых и свободных выборов... Что касается правительства, которому национальное представительство доверит функции исполнительной власти, то для их осуществления оно должно обладать силой и устойчивостью, как этого требует авторитет государства и роль Франции в международных делах».

В июне 1944 года настал долгожданный час освобождения Франции. 3 июня ФКНО провозгласил себя Временным правительством Французской Республики. В тот же день де Голль вылетел в Лондон. 6 июня началась высадка союзных войск в Нормандии, получившая название операции «Овер-лорд». Ею командовал английский фельдмаршал Бернанд Монтгомери. Общее руководство силами вторжения осуществлял американский генерал Дуайт Эйзенхауэр. Вместе с англичанами и американцами в операции принимали участие французские войсковые соединения, сформированные еще ФКНО. Их возглавляли генералы Леклерк, Кёниг и Габриэль Коше.

14 июня председатель Временного правительства прибыл в Нормандию. В городке Байё он лично руководил торжественной передачей власти. Сместив вишистского префекта, де Голль назначил на его место Раймона Трибуле.

В конце июня генерал выехал в Италию, чтобы провести в Неаполе инспекцию войск Временного правительства, участвовавших в освобождении Апеннинского полуострова. Затем де Голль отправился в Рим, где 30 июня по его просьбе был принят папой Пием XII. Они вели беседу о будущем Европы и католицизма. Генерал придавал большое значение своей встрече со святым отцом и нашел его «благочестивым, сострадательным, благоразумным, внушающим глубокое уважение».

В начале июля председатель Временного правительства по приглашению Рузвельта отправился в США. По существу, его прием в Белом доме означал, что «могущественная Америка» и ее великий президент, который еще два года назад и слышать ничего не хотел о мятежном французском генерале, теперь признал его как главу Франции. После Вашингтона председатель Временного правительства побывал в Нью-Йорке, а затем — в канадской столице Оттаве и Монреале.

Из Америки де Голль вернулся в Алжир и 25 июля перед депутатами Национальной ассамблеи провозгласил: «В отношении политического строя мы свой выбор сделали. Мы избрали демо-

кратию и республику. Дать высказаться народу, другими словами, в наикратчайший срок заложить основы свободы, порядка и уважения прав и тем самым создать условия для проведения всеобщих выборов, в результате которых будет создано Национальное учредительное собрание, — вот та цель, к которой мы стремимся»⁽²⁵⁸⁾.

15 августа началась операция «Энвил». Американские и французские войска высадились в южной Франции, в районе Марселя.

Известие об этом и послужило сигналом к национальному восстанию, за которое горячо ратовали коммунисты. Эту идею сначала поддержал и де Голль, опасавшийся, что в противном случае союзники захотят осуществлять управление в освобожденной Франции при помощи своей военной администрации. Национальное восстание быстро охватило 40 департаментов из 90. Под руководством коммунистов его готовились поднять и в Париже. Такой факт взволновал главу Временного правительства, который считал, что ФКП сможет «встать во главе восстания наподобие своеобразной коммуны». Представители де Голля, действующие во Франции, тоже опасались этого. Они сконцентрировали в столице боевые группы некоммунистических организаций Сопротивления и договорились об их поддержке силами парижской полиции и жандармерии, уже согласившихся перейти на сторону Временного правительства. Сторонники де Голля хотели, чтобы к Парижу как можно быстрее подошли войска союзников и предотвратили восстание. Шабан-Дельмас, назначенный де Голлем своим национальным военным делегатом и только что получивший за храбрость и отвагу чин бригадного генерала, даже добрался до Лондона, чтобы убедить английское командование срочно двинуть одно из войсковых подразделений на Париж.

Союзники согласились выполнить такую просьбу и направили во французскую столицу бронетанковую дивизию под командованием генерала Леклерка. Правда, еще до ее прихода в город восстание все-таки началось. 24 августа, когда танки Леклерка вступили в Париж, его основная часть уже была освобождена французскими патриотами. 25 августа командующий войсками парижского района коммунист Жорж Роль-Танги и генерал Леклерк приняли официальную капитуляцию немецкого гарнизона.

В тот же день в Париж прибыл председатель Временного правительства. Леклерк встретил его на вокзале Монпарнас. В это время там находился и Шабан-Дельмас, который впервые в жизни увидел де Голля. Он оставил в своих мемуарах такое воспоминание

об их первой встрече: «Де Голль оказался выше, чем я предполагал. Худой, твердо стоящий на ногах, с сосредоточенным видом, со сверкающим и в то же время печальным взглядом. Я был просто покорен его лицом, которое выражало уверенность в своей судьбе. Это была сама Франция. «Мой генерал, — спросил его Леклерк, — вы знакомы с генералом Шабаном?» Тогда он опустил на меня свой взгляд. Я уже был готов провалиться сквозь землю, как вдруг в его орлином взгляде промелькнуло что-то похожее на нежность. Статуя оживилась. Я был удостоен крепкого рукопожатия, а его голос в это время произнес всего два слова, но таких, перед которыми поблекли бы любые почести и награды: «Молодец, Шабан». Этим было все сказано».

Де Голль сел с Леклерком в машину, и они направились в военное министерство на улицу Сен-Доминик. Глава Временного правительства отдал приказ о восстановлении порядка в столице. Потом он поднялся в свой кабинет, где работал на посту заместителя военного министра в страшные дни июня 1940 года. Генерал окинул взором комнату. Кипы досье с письменного стола исчезли, но стояли те же телефонные аппараты. Он прошел к дальнему углу, заметив там за мебелью стоявший железный сундучок. Де Голль с тревогой открыл его и взял в руки свою сенсирскую саблю. Она простояла здесь все четыре с лишним года, терпеливо дожидаясь хозяина. И он вернулся, он наконец дома.

Из военного министерства председатель Временного правительства выехал в городскую ратушу — Отель де Виль, — где его ждали Жорж Бидо, глава Национального Совета Сопротивления и другие его представители, а также члены парижского комитета освобождения, главные участники парижского восстания.

26 августа рано утром де Голль покинул военное министерство и обошел весь квартал вокруг дворца Инвалидов. Он шагал по улицам, где ему с детства были знакомы каждый дом и каждый дворик. Ноги сами принесли его к церкви Сен-Франсуа-Ксавье, в которую его с братьями и сестрой водили еще родители. Ничего не изменилось. Как будто бы он и не пережил суровых лет изгнания.

Столица Франции ликовала. Днем председатель Временного правительства приехал на площадь Звезды и торжественно зажег под Триумфальной аркой вечный огонь на могиле неизвестного солдата, потушенный оккупантами четыре года назад.

От площади Звезды де Голль отправился пешком по Елисейским Полям. Многотысячная толпа заполнила весь проспект.

Люди буквально висели на окнах, балконах, крышах, фонарях. Он вспоминал, что шел тогда «взволнованный и в то же время спокойный, среди толпы, чье ликование невозможно описать... сопровождаемый громом голосов, выкрикивающих его имя».

Родной любимый Париж приветствовал его. Он пришел в первый раз к Триумфальной арке маленьким мальчиком, которого держал за руку отец. Он прощался со столицей юношей перед отъездом на фронт Первой мировой, мечтая совершить доблестный подвиг. Он пытался десять лет назад убедить тех, кто правил в этом городе, следовать выдвинутой им военной доктрине, чтобы не случилось беды. Он покидал Париж в июньских сумерках 1940 года, возвещавших кошмар фашистского нашествия. И вот он вернулся — победителем, национальным героем, председателем Временного правительства Французской Республики. Возможно ли в это поверить? Да! Он выковал свою судьбу, смог сорвать с неба свою звезду и все свои мечты сделал явью.

Куда он шел сейчас? Конечно, к собору Парижской Богоматери. Именно туда приезжали французские короли, чтобы воздать хвалу Господу за победы, одержанные над врагом. Генерал вошел в собор, чтобы присутствовать на Магнификате, торжественной похвальной молитве. Через несколько дней он скажет сыну: «Если бы ты знал, сколько раз за эти страшные четыре года мне слышались звуки музыки этого победного Магнификата, на котором я присутствую в окружении моих солдат!»

29 августа де Голль впервые произнес речь по парижскому радио. «Франция воздает должное всем, — услышали французы, — кто своим участием содействовал парижской победе. И в первую очередь народу Парижа, который в глубине души никогда ни на один миг не мирился с поражением и гнетом, отважным людям, мужчинам и женщинам, долгое время оказывавшим упорное сопротивление поработителю, а потом они помогли разгромить его солдатам Франции, которые его разбили и уничтожили, воинам, явившимся сюда из Африки после множества тяжелых боев, и отважным бойцам, по собственному почину объединившимся в частях внутреннего Сопротивления. Однако превыше всего Франция чтит тех, кто отдал свои жизни за родину на полях сражений или на виселицах».

В начале сентября генерал Эйзенхауэр дал де Голлю согласие на участие в боях против Германии французских подразделений. Продолжал воевать и сын генерала Филипп. Он пришел в Париж с войсками, высадившимися в Нормандии, и теперь отправлялся

на Западный фронт. В конце сентября во французскую столицу из Алжира переехали Ивонна с Элизабет и Анной.

9 сентября де Голль переформировал свое правительство. В него вошли как соратники генерала по Сражающейся Франции и Алжиру (Андре Дьетельм, генерал Катру, Рене Плевен, Луи Жакино, Рене Капитан, Рене Мейер), так и представители движения Сопротивления от правого до левого лагерей (правые Жюль Жаннене и Жорж Бидо, радикалы Пьер Мендес-Франс и Поль Джакоби, социалисты Робер Лакост и Франсуа Танги-Прижан, коммунисты Шарль Тийон, Франсуа Бийу и другие).

12 сентября генерал выступил во дворце Шайо перед представителями организаций Сопротивления, возрождающихся партий, профсоюзов и деловых кругов страны. В своей речи де Голль в общих чертах обрисовал планы правительства и заявил, что его кабинет останется у власти вплоть до окончания Второй мировой войны и возвращения на родину всех французских пленных и депортированных лиц. Сразу после этого будут проведены всеобщие выборы в Национальное собрание, которое решит судьбу Франции.

Де Голль указал, что одну из своих важнейших задач видит в укреплении авторитета Франции на мировой арене и что станет добиваться ее участия во всех важнейших международных конференциях союзников. Он отметил также, что его кабинет намеревается наказать предателей родины, конфисковать предприятия коллаборационистов, национализировать ряд важных отраслей экономики и всемерно способствовать восстановлению разрушенного войной хозяйства, поддержанию твердых цен и повышению, по мере возможности, жизненного уровня народа.

В течение осени глава Временного правительства вместе с представителями своего кабинета совершил целый ряд поездок по различным департаментам страны. Он знакомился с ситуацией на местах и давал указания комиссарам республики.

23 октября Временное правительство Франции было признано Соединенными Штатами, СССР и Великобританией. В начале ноября в Париж приехали Черчилль и Иден. Де Голль добился от британского премьера выделения для Франции зоны оккупации Германии.

